

ИЗ «КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ О ПРЕЖНЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ ОТНОШЕНИИ ЗЕМЛИ ВААДТА (ВО) К ГОРОДУ БЕРНУ»

Полное разоблачение прежней олигархии
сословия Берна.

*Перевод с французского писем покойного швейцарского автора
и комментариев к ним. Франкфурт-на-Майне.
Книгоиздательство Егера. 1798.*

Предварительные замечания

Письма, выдержки из которых даны в настоящем переводе, принадлежат лозаннскому адвокату Карту, умершему в Филадельфии. Сразу после появления этих писем в печати они были запрещены бернским правительством под угрозой высокого штрафа. Дело заключается в том, что в них содержится основанное на документах описание политических прав Ваадта, сравнение того состояния, которое должно было бы быть установлено здесь в соответствии со старыми правами, с тем, в которое его ввергло господство Берна; в них содержится, в частности, история эфемерной победы этого правительства в 1791 г. над пробудившейся в Ваадте потребностью восстановить свое прежнее государственное устройство — победы, результатом которой были утрата жителями Ваадта остатка своих прав и соединение их мечты о свободе с глубочайшим ожесточением против угнетателей. Поскольку описываемые здесь события и обстоятельства даны в эпистолярной форме, их изображение содержит и вызванные ими чувства и, несмотря на то, что некоторые люди, требующие от источника лишь чисто фактических данных, которые позволили бы им свободно составить свое суждение и определить к ним свое отношение, — что эти люди легко могут усомниться в достоверности самих сообщаемых здесь фактов, следует тем не менее принять во внимание два обстоятельства: с одной стороны, это опасение в известной степени предотвращается тем, что права, о которых идет речь, подтверждаются документами и официальным словом законов, а события — свидетельством всего населе-

ния; с другой — надо иметь в виду, что для большинства людей выражение чувств необходимо, ибо только оно заставляет их обратить внимание на важность существа дела, что не было бы ими оценено при сухом изложении фактических событий и обстоятельств либо потому, что они сами никогда не были в подобном положении, либо потому, что, пребывая в ничем не омраченной беззаботности, они вообще не допускают возможности потерять из-за чего-либо терпение и, будучи достаточно хорошо осведомлены о положении вещей, тем не менее оказываются крайне удивлены, узнав к чему оно привело.

Из сравнения содержания этих писем с последними событиями в Ваадте, из контраста, в котором находится видимость умиротворения, достигнутая в 1792 г., и гордость правительства своей победой, с одной стороны, и его фактическая слабость в этой земле, внезапное отделение Ваадта — с другой, — из всего этого можно было бы вывести множество полезных заключений. Однако факты достаточно громко говорят сами за себя; все дело только в том, чтобы достаточно полно ознакомиться с ними; они вопиют на весь мир.

Discite justitiam moniti —

глухих же тяжело поразит их судьба.

Комментарии публикуются впервые; они содержат ряд еще не известных данных по статистике и государственному устройству Берна.

Карт, с. 71*: «Большая ошибка оценивать государственное устройство в зависимости от высоты налогов, к уплате которых принуждают население. Под этим углом зрения государственное устройство Англии было бы наилучшим, ибо нигде не платят таких налогов, как в Англии. А между тем нет в Европе народа, который бы располагал ббльшим благосостоянием, чем англичане, и пользовался бы таким уважением и как нация, и в лице своих отдельных представителей.

Происходит это потому, что англичанин свободен, что он пользуется правами, даруемыми свободой, — одним словом, потому что он сам облагает себя налогами».

* Все ссылки на страницы даются по работе Карта, которой пользовался Гегель.

По этому поводу *Гегель*, с. 81 и сл.:

Автор рассматриваемой работы не дожид до недавнего времени, когда стало очевидным, как власть, предоставленная сборщикам некоторых налогов, в ряде отношений затрагивает безопасность владения собственностью и ущемляет индивидуальные имущественные права, как посредством приостановления действия конституции была ограничена личная свобода, посредством позитивных законов были ограничены гражданские права государственных подданных; когда стало очевидным, что министр, создавший себе опору в лице парламентского большинства, способен противостоять мнению народа, что неполнота представительства нации препятствует тому, чтобы она могла заставить парламент считаться с ее голосом, что основой прочности национального существования является скорее страх перед ее неконституционной властью, мудрость министров или сдержанность высших сословий. Это понимание и перечисленные факты привели к тому, что уважение к английской нации многих ее самых рьяных почитателей значительно уменьшилось. Впрочем, несостоятельность этого примера для нашего времени ни в коей мере не затрагивает основного положения автора, согласно которому оценка государственного устройства страны не должна производиться в зависимости от величины установленных в ней налогов.

Тот факт, что при упоминании о дурном государственном строе кантона Берна всегда можно услышать в ответ, что его подданные почти не платят налогов, на основании чего их объявляют счастливыми и достойными зависти, этот факт свидетельствует лишь о том, что большинство людей считает значительно меньшим ущербом отсутствие гражданских законов, чем необходимость ежегодно отказываться от нескольких талеров.

Налог, введенный английским парламентом на чай, который импортировала Америка, был ничтожен; однако уверенность американцев в том, что вместе с совершенно незначительной суммой, составляющей этот налог, они потеряют и свое важнейшее право, привела к революции.

Карр, с. 91: «Я не думаю, чтобы в Ваадте нравственность была выше, чем в немецкой части кантона, и тем не менее в тюрьме на одного жителя Ваадта приходится де-

сять немцев. Быть может, это объясняется тем, что в одной земле уголовная юрисдикция находится в руках ландфогтов, а в других нет?»

По этому вопросу *Гегель*, с. 116 и сл.:

Ваадт имеет в этом отношении ряд преимуществ перед немецкими землями кантона: суды по уголовным делам земли Ваадт ведут процесс и выносят приговор как суды первой инстанции: малому совету Берна принадлежит *jus aggratiandi*¹ и *jus aggravandi*². Только в Лозанне ему принадлежит лишь право помилования; в немецком же кантоне (за исключением нескольких городов) уголовная юстиция полностью находится в руках правительства; оно допрашивает обвиняемого в тяжком преступлении, заслушивает показания свидетелей и ведет все расследование дела; обвиняемому не предоставляется право иметь защитника; протокол следствия направляется в малый совет, который в соответствии с этим протоколом и с сообщением комиссии по уголовным делам, состоящей из трех самых молодых по стажу членов муниципалитета, выносит приговор в первой и последней инстанции, карающий преступника смертью или дарующий ему жизнь; над ним нет инстанции, которая обладала бы правом помилования. В городе следствие по уголовным делам ведет *Grossweibel* (*grand sautier*) — член кантонального совета, полицейский комиссар и судья по гражданским делам, обладающий ограниченной компетенцией и являющийся одновременно служащим кантонального и малого совета. Он передает материалы на рассмотрение членов кантонального совета; малый совет выносит приговор в первой инстанции, кантональный совет отягчает, смягчает или подтверждает первый приговор, причем *Grossweibel*, который вел уголовное расследование, выступает в качестве официального защитника. Легко себе представить, что обвиняемый немного выигрывает от такой защиты; поэтому он старается во время допроса умолчать обо всем, что можно, и часто умалчивает таким образом о ряде смягчающих вину обстоятельств. Только этим можно объяснить известную историю девушки, приговоренной к смертной казни за убийство своего ребенка; когда ее вели на казнь, она сказала священнику, что ей только жаль ребенка, которого она носит под сердцем; обследование показало, что она

действительно ждет ребенка, за предполагаемое убийство которого она должна была через несколько часов умереть; на вопрос, почему же она не сказала об этом раньше, обвиняемая ответила, что ей не хватило смелости противоречить допрашивавшим ее важным господам.

В 1794 г. некий крестьянин, который, согласно свидетельству его общины, отличался хорошим поведением и не был склонен к пьянству (при этом он имел репутацию ограниченного человека), поссорился, рассчитываясь за поставку вина, с пеким господином из Берна; крестьянин, выпивший в этот день больше, чем он себе обычно позволял, решил, что с ним поступили не по справедливости; в состоянии опьянения он в ходе перебранки начинает ругать всех знатных господ и выражает желание, чтобы их усмирили французы. Господин из Берна подает на него жалобу фогту; крестьянин, которому сказали, что признание в том, что он был пьян, не уменьшит его вины, умалчивает при допросе об этом смягчающем его вину обстоятельстве, и местный совет присуждает его к шести годам заключения в тюрьме для особо тяжелых преступников. Благодаря вмешательству деревенского старосты и родственников, бедного парня, который заболел, узнав о вынесенном ему приговоре, наконец отпустили на свободу, запретив ему в течение года отлучаться из деревни. Мне не хотелось бы на основании подобных опрометчивых решений, случайно получивших гласность из-за пересмотра дела, выводить заключение о характере многих других, не получивших гласность дел; пусть каждый судит сам, не дает ли само судопроизводство право выводить подобное заключение.

Обычай, еще некоторое время тому назад существовавший во многих городах, указывает на то, что некогда крестьянин, обвиняемый в уголовном преступлении, мог иметь защитника. В день казни все местные должностные лица собирались под председательством фогта в каком-либо общественном месте; выступает прокурор, затем защитник, который в присутствии осужденного (уже несколько дней тому назад ознакомившегося со своим смертным приговором) не падает сил для его оправдания; после этого ландфогт предлагает во всеуслышание объявить вынесенный в Берне смертный приговор и преступника ве-

дут на казнь. Этот обычай, который, превратившись в пустую формальность, не мог не вызывать возмущения, несколько лет тому назад отменили, уничтожив тем самым последние следы одного из самых важных прав граждан цивилизованных государств.

Я не берусь решать, падает ли вина за то, о чем здесь пойдет речь, на судопроизводство*, которое по существу вообще таковым не является, следует ли объяснять аморальностью народа или, если угодно, испорченностью человеческой природы то обстоятельство, что в тюрьме на одного жителя Ваадта приходится десять немцев — как утверждает Карт, что по моему глубокому убеждению, ни в одной из известных мне стран не вешают, не колесуют, не обезглавливают, не сжигают стольких людей, как в этом кантоне (соотносительно с его величиной); не имея достаточно веских доказательств, лучше было бы, быть может, вообще не высказывать подобных утверждений: цель их опубликования — побудить к тому, чтобы для блага общества был обнародован список повешенных в кантоне только за последние десять лет, ибо лишь ознакомление с таким перечнем может показать несостоятельность наших утверждений.

В течение нескольких последних лет правительство стало само ощущать эти недостатки; оно выразило готовность рассмотреть предложения, направленные на их искоренение, и назначило награду за проект целесообразных реформ.

Карт (с. 103) о военных расквартировваниях в Ваадте (1791/2):

«Солдат в количестве десяти, пятнадцати, двадцати человек размещают в доме какого-либо человека не потому, что там много комнат и не по этой причине используют этот дом под лазарет, выгнав хозяина; причина заключается в том, что этот человек — патриот, и противоположная причина освобождает от всего этого аристократа».

По этому вопросу *Гегель*, с. 121 и сл.:

Квартирмейстеры привезли из Берна списки жителей городов, в которых предполагалось разместить воинские

* При этом следует, однако, указать, что в Берне а) еще до сих пор существует пытка; б) что признания осужденным правильности вынесенного ему приговора не требуется.

подразделения. Лица, находящиеся под подозрением в неблагонадежности, были обозначены в этом списке буквой М (*mauvais*), ММ или даже МММ; в соответствии с этими обозначениями квартирмейстер направлял в дом то или иное количество солдат, которые очень быстро усвоили этот критерий и стали руководствоваться им в своем поведении. Тем самым эти подозреваемые бюргеры понесли наказание ранее какого бы то ни было расследования только по той причине, что они казались подозрительными.

Карт (с. 113) говорит, что в делах заключенных в тюрьму жителей Ваадта не было и намека на государственную измену.

По этому вопросу *Гегель*, с. 122:

Действия, послужившие основанием к вынесению приговора, были только проявлениями чувств, признаками; их можно было рассматривать как признак радости по поводу того, что французскому народу удалось обрести свободу, или желания также обладать ею, решения вновь обрести свои утраченные законные права или намерения использовать недозволенные средства в нападении на законную власть правительства. Правительство решило, по видимому, что имело место последнее.

Примечание к письму 7, с. 138 и сл.:

Как обстояло дело в Ваадте с введением уголовного кодекса, рассказывает в своей книге Сенье (*Seigneux*); из его изложения явствует, что и в данном случае законодательную власть осуществляло одно только бернское правительство. «Швейцарцы, — пишет он, — приняли Каролину³, не придав этому кодексу силы закона». (Бернское правительство по сей день не имеет уголовного кодекса, который ему, впрочем, и не нужен, поскольку оно олицетворяет в себе законодательную и судебную власть.) Правительство повелело своим вассалам, располагавшим правом жизни и смерти, и особенно городу Лозанне, следовать Каролине; что касается последнего обстоятельства, то это очевидно из протоколов суда, где можно прочесть, что в 1555 г. уголовный суд заменил наказание, предусмотренное Каролиной, и не утопил девушку, вытравившую плод, в связи с чем достопочтенные господа сделали членам суда резкий выговор; на представленные им вер-

поподданнические извинения они ответили, что они, правда, не удовлетворены предъявленными им извинениями, но на этот раз не дадут делу хода; однако в дальнейшем они (члены лозаннского уголовного суда) должны быть осмотрительнее и карать преступников по их преступлениям в соответствии с императорскими законами, не оказывая им пощады.

Примечание к письму 9, с. 163 и сл.:

Аристократическим правительствам, пишет Монте-скье, следует опасаться тех патрициев, которые не участвуют в управлении государством; для обуздания их и был прежде всего нужен в Венеции ужасный инквизиционный трибунал. Правительство Берна отчасти умиротворяет излишек своих патрициев множеством необходимых для государственного управления мест в кантоне, отчасти же избавляется от них благодаря тому, что они несут военную службу в армиях других государств; с тех пор как это прекратилось, правительство Берна оказалось в затруднительном положении, тем более что и низшие слои бернского бюргерства стали предъявлять претензии на так называемые гражданские посты; доступ к ним этого класса, не принадлежащего к правящим семействам города, становится все труднее из-за теперешней большой и серьезной конкуренции знатных патрициев.

Примечание к письму 10, с. 169 и сл.:

Приходы в немецком кантоне бывают двух типов: по рангу и по кредиту; первые предоставляются кандидатам в соответствии с возрастом, вторые, как показывает само их наименование, — в соответствии с кредитом, которым пользуются спонсоры по своему семейному положению и пр.; к приходам по рангу относятся все приходы с незначительными доходами, в редких случаях со средними; среди приходов по кредиту есть и такие, ежегодный доход которых равняется 3000 талеров и более; само собой разумеется, что первые предоставляются бернским бюргерам, а наиболее доходные — младшим сыновьям знатных семейств, мужьям их дочерей, членам муниципалитета и т. д. Для тех жителей немецкого кантона, которые изъявляют желание стать священниками, — на что имеют право только горожане — в Берне учреждена теологическая семинария; кандидата не принуждают действительно

изучать теологию в течение трех лет, предназначенных для занятий; он должен только дать им пройти и после завершения этого срока экзаменоваться, ибо он может получить разрешение одновременно занимать должность домашнего учителя и отсутствовать в течение нескольких месяцев и даже лет; более того, он может все эти три года занимать должность школьного учителя и явиться по истечении этого срока на экзамен.

Карт (с. 178): «Должность ландфогта предоставляется по жребию или по рангу; ландфогтами часто становятся люди, которые не знают ни наших законов, ни наших обычаев, ни наших условий».

По этому вопросу *Гегель*, с. 194 и сл.:

Ландфогтом может стать только член кантонального совета. Число членов кантонального и малого совета составляет — при полном их составе — 299 человек и не может быть меньше 200. При уходе какого-либо члена малого совета его должность замещается кантональным советом посредством голосования и баллотировки. Пополнение кантонального совета происходит тогда, когда число его членов приближается к 200, что случается обычно раз в десять лет. Избирателями являются, кроме членов малого совета (вместе с двумя шультгейсами⁴, т. е. 27 человек), 16 членов кантонального совета (*seizeniers*), уже состоявших в должности ландфогтов (старые ландфогты). Из числа старых ландфогтов, принадлежащих к одной корпорации, — все бернские бюргеры должны быть членами какой-либо корпорации (общества) — избирателем становится тот, на кого падает жребий; часто в корпорации оказывается 15, 12 человек, иногда только 1 или 2, способных войти в число 16-ти избирателей; поскольку жеребьевка происходит всегда в среду, предшествующую страстной пятнице (дню, когда происходит замещение должностей в кантональном совете), а число всех старых ландфогтов в 1795 г., например, составило 70, то сначала посещаются все 70, плетутся интриги, ведутся подсчеты; легко себе представить, сколь многообразными должны быть комбинации, посредством которых кандидат собирает нужное ему число голосов. Формально члены кантонального совета избираются большинством голосов; однако каждый избиратель фактически назначает одного, ино-

гда двух кандидатов посредством договоренности со всеми избирателями, согласно которой каждый из них отдает *одному* их клиенту свой голос. Что касается остальных кандидатов, то подачу голосов определяет влияние их семейства и множество других соображений. Обычно наибольшее влияние обретает тот, кому удастся воздействовать на других угрозой, что в случае невыполнения его желания он в свою очередь не будет голосовать за их ставленников. Поскольку каждому избирателю дано право назначать (*pansen*) одного или двух новых членов совета, отец назначает либо своего сына, либо двух своих сыновей, либо брата; если у него есть дочь, он выбирает богатого зятя и т. д. Если в какой-либо семье есть несколько молодых людей, которые достигли возраста, позволяющего им стать членами совета, а семья надеется провести только одного из них, то тот, кто хочет выдвинуть свою кандидатуру, откупает у других аналогичное право — короче говоря, только об одном из 92-х членов, принятых в 1792 г. в кантональный совет, было сказано, что его достоинства в некоторой степени повлияли на его избрание. Из всего сказанного можно представить себе общий характер этих выборов; однако для того, чтобы составить себе полное представление обо всей предшествующей деятельности, о происходящих интригах, о бесчисленных комбинациях, направленных на согласование различных интересов, о страстности, с которой все это совершается, о чувствах, сопровождающих благоприятный или неблагоприятный исход дела, — силе надежд, опасений, страха, — о глубине радости или отчаяния, — надо самому быть свидетелем всего этого. Известны примеры, когда люди, заранее уверенные в том, что они будут избраны (впрочем, сомневаются в этом вообще очень немногие), достигнув реального успеха, на некоторое время как бы лишились рассудка; те же, чьи труды и старания оказались напрасными, кого постигла неудача, с тех пор вечно испытывают ощущение подавленности, гложущей тоски; ибо для знатного жителя Берна это — единственный, важнейший жизненный путь; если он потерпел здесь неудачу, то ничто уже не может дать его душе ощущение удовлетворенности. Ландфогства распределяются по жребию между теми, кто в текущем году вошел в кантональный совет; более старые члены

совета решают сами, будут ли они претендовать на должность ландфогта; если среди них не найдется желающих, то должность переходит к более молодым; таким образом, тот, кто достаточно богат, может дольше всех обходиться без ландфогства и, когда ему понадобится, получить наилучшее; этим и объясняется, что в Romain Motiers (пример у Карта на с. 178 и сл.) столько старых офицеров один за другим становились ландфогтами; должность полковников иностранных армий давала им весьма значительный доход, и теперь, в преклонном возрасте, они вернулись на родину для того, чтобы, будучи некогда членами кантонального совета и, быть может, присутствовав тогда на его заседании, теперь вновь побывать на таком заседании и в качестве самых старших получить вне всякой конкуренции наилучшее ландфогство.